

ТЕМУРМАЛИК ХОЛМАТОВ*

ИСТОКИ КЛАССИКАЛИЗАЦИИ**

ПУБЛИКАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
С. В. ВЕСЕЛОВСКОГО

Получено: 27.09.2021. Рецензировано: 31.12.2021. Принято: 27.01.2022.

Аннотация: Изучение того, как научные труды приобретают статус «классики», является важным аспектом в исследовании актуализации идей и подходов, их циркуляции в научной сфере, а также современного состояния научного направления или дисциплины. На основе историографических и делопроизводственных источников в статье проанализирована роль публикации и восприятия научного наследия известного историка, академика Степана Борисовича Веселовского (1876–1952) в позднесоветский период в классикализации изысканий. В исследовании создание и деятельность Комиссии по изданию трудов Веселовского рассматривается как один из ключевых этапов классикализации научного наследия ученого. На основе делопроизводственных материалов из фондов Архива Российской академии наук (РАН) изучены причины создания Комиссии и ее история, персональный состав, а также издательские планы. Проанализировано влияние научного наследия Веселовского на историографию позднесоветской эпохи. Рассмотрены преемственность научных взглядов и подходов Веселовского в трудах по истории России допетровской эпохи, характер критики научных исследований, опубликованных как при жизни, так и посмертно. Отдельно рассмотрен вопрос о влиянии рецензий на классикализацию научного наследия. На основе полученных результатов в статье выделены дальнейшие перспективы исследования и сделано предположение о том, что посмертная публикация изысканий Веселовского и их вовлечение в историографию создали основу для классикализации научного наследия историка уже в позднесоветскую эпоху.

Ключевые слова: С. В. Веселовский, классика, классикализация, научное наследие, историография, советская историческая наука, вспомогательные исторические дисциплины.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-184-212.

Живы и очень многие его идеи. Пусть не все их разделяют современные ученые, пусть исследователи, идущие по его следам, находят в его трудах

*Холматов Темурмалик Комилджонович, аспирант, Аспирантская школа по историческим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), timur.kholmatoff@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2975-1647.

**© Холматов, Т. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-00015 «Интеллектуальная биография С. В. Веселовского (1876–1952)».

и неизбежные для всякой большой работы отдельные фактические неточности. С годами становится все более ясным, что Степан Борисович Веселовский — один из классиков советской исторической науки.

(Аверьянов, Кобрин, 1989: 39)

Классикализация в науке — процесс труднопредсказуемый. Исследователь может написать чуть ли не безупречный труд с точки зрения постановки проблемы, теоретической проработки темы, методологии исследования и т. д., но это не означает, что он со временем войдет в список научной классики даже в рамках определенного направления или дисциплины. Согласно И. М. Савельевой и А. В. Полетаеву, для того чтобы научный труд приобрел статус «классики», требуется временная дистанция в несколько десятилетий между публикацией и активным вовлечением в научной сфере (Савельева, Полетаев, 2010: 154–155). Хронологический аспект необходим для учета одной из ключевых характеристик классики — способности к формированию принципиального нового научного знания, несмотря на давность создания интеллектуального продукта. Однако необходимо учитывать и обстоятельства введения исследования в научный оборот, т. к. от этого зависит специфика восприятия научным сообществом¹.

Многие исследования историка Степана Борисовича Веселовского (1876–1952) были опубликованы посмертно и способствовали существенному переосмыслению его научного наследия в историографии, особенно после идеологических кампаний во второй половине 1940-х годов, в ходе которых ученый подвергся критике. В 1960-е годы вышли труды по истории Ивана Грозного и служилого землевладения в Московском государстве, краеугольным камнем которых была генеалогия. В 1970-е были

¹В общественной сфере понятие «классика» нередко применяется как синонимичное «канону». Однако, как подчеркнули И. М. Савельева и А. В. Полетаев, «канон» некорректно рассматривать в качестве *фундамента современного научного знания* (определенной дисциплины или исследовательского направления), т. к. это понятие (как показывает история употребления слова), в отличие от «классики», несет в себе элемент сакральности (Савельева, Полетаев, 2010: 24–26). В итоге использование в академической сфере понятия «канон» может привести к искаженному восприятию научного продукта. По этой причине в настоящем исследовании используется понятие «классика», которое «не является ни предметом поклонения, ни идеальным образцом для подражания, ни „мерилом“ всех последующих научных работ» (там же: 26).

изданы фундаментальные справочники по ономастике, вспомогательной исторической дисциплине, тесно переплетенной с генеалогическими исследованиями Веселовского, с 1970-х и до середины 1990-х годов публиковались исторические источники, которые Веселовский собирал и структурировал в течение жизни. С середины 1990-х годов его изыскания в основном переиздавались.

Классикализация научного наследия Веселовского уже рассматривалась в историографии. В частности, было проанализировано то, как проявились критерии научной классики, предложенные А. В. Полетаевым и И. М. Савельевой, в научном наследии историка в исследовательской практике начала XXI века (Холматов, 2021: 186–190). Обращение к более раннему периоду, когда были введены в научный оборот труды Веселовского, позволит изучить предпосылки и механизм классикализации научного наследия.

Одна из ключевых характеристик классики — непосредственная вовлеченность интеллектуального продукта в исследовательский процесс, научные дискуссии. Поэтому отдельного внимания заслуживает вопрос о восприятии научного наследия Веселовского в позднесоветский период², когда издавались его труды. Данный вопрос рассматривался в научной литературе, однако восприятие проанализировано с опорой на публикации, посвященные трудам или научной деятельности Веселовского (Поляков, 2013). Для изучения процесса классикализации необходимо понимание степени востребованности и актуализации научного наследия ученого, что подразумевает привлечение историографических источников с иным целеполаганием — исследований, близких к научным интересам Веселовского.

КОМИССИЯ ПО ИЗДАНИЮ ТРУДОВ ВЕСЕЛОВСКОГО В 1950–1960-Е ГОДЫ: ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ, ПЛАНЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Публикация научного наследия Веселовского имела плановый характер: была создана специальная комиссия по изданию трудов историка. В послесталинский период она не была единственной в своем роде. Например, в 1950-х – начале 1960-х годов работали комиссии по изданию трудов академиков Б. Д. Грекова (1882–1953), С. В. Бахрушина

² В историографии 2000–2010-х годов под «позднесоветским» рассматриваются широкие хронологические рамки: от послесталинского периода до «перестройки» / распада СССР (Юрчак, 2014). Отправной точкой для настоящего исследования является посмертное издание научного наследия Веселовского. Истоки данного процесса, как будет дальше показано, наблюдаются в первой половине 1950-х годов.

(1882–1950) и Е. В. Тарле (1874–1955), поэтому необходимо пояснить, чем был вызван интерес к научному творчеству предыдущих поколений историков, в частности к трудам Веселовского³.

Как отметила В. П. Корзун, «проблема классикализации приобретает особую остроту и болезненность в эпохи перемен — масштабных социальных трансформаций» (Корзун, 2020: 57). Для советской исторической науки одной из таких эпох была «оттепель». В этот период главным образом были поставлены вопросы о расширении рамок исследовательской свободы и методологической основы научных трудов (во многом через вспомогательные исторические дисциплины), привлечении новых источников, появлении в историографии новых тем и развитии научных направлений, которые ранее рассматривались как nereкомендованные для изучения (Сидорова, 1997; Тихонов, 2020: 275–276).

В период «оттепели» также наблюдался «всплеск» коммеморативных практик, когда происходила реабилитация научного наследия ученых (Груздинская, 2020: 220–231; Тихонов, 2020: 274–280; Метель, 2021: 495–502). Во многом коммеморативные практики того времени были тесно связаны с изданием/переизданием трудов предшественников. С одной стороны, этот процесс, как и деятельность комиссий по изданию трудов ученых в целом, был направлен на расширение теоретико-методологического арсенала исследователей, введение в научный оборот ряда неопубликованных, но актуальных научных работ предшественников. С другой — деятельность специальных комиссий, в которые входили коллеги и ученики известных ученых, была направлена на фиксацию норм и ценностей научно-профессионального сообщества, трансляцию ценностных установок, преемственность научного знания, демонстрацию достижений советской и дореволюционной науки, воспроизведение, т. е. переиздание, наиболее значимых для научного сообщества трудов предшественников. Таким образом, посмертная публикация трудов и переиздание являются *актом самоидентификации*, способствуют закреплению памяти об ученом, а также сохранению и распространению его научных достижений.

³ В формировании аналогичных комиссий следует учитывать и состояние археологии, создавшей внутринаучные условия для публикации научного наследия ученых. В 1950-е годы появляются все больше методологических работ по этой вспомогательной исторической дисциплине, формируются новые стандарты изданий (прежде всего, «Правила издания исторических документов» 1955 года), в 1956 году возрождается Археологическая комиссия АН СССР, а уже через год, в 1957 году, начинает выходить из печати известное издание «Археологический ежегодник».

Статус крупного специалиста по истории Московского государства Веселовский имел еще при жизни, однако в сталинскую эпоху его труды редко печатались, особенно было затруднено издание в послевоенный период, по всей видимости, в результате борьбы с «буржуазным объективизмом», одной из главных жертв которой был Веселовский. О задержках публикаций Веселовского в 1940-х – начале 1950-х годов свидетельствует его письма Н. В. Устюгову (1896–1963) (Переписка С. Б. Веселовского..., 2001: 487–493). В заявлении от группы ученых Отделения исторических наук Президенту АН СССР академику А. Н. Несмеянову (1899–1980) отмечено, что интерес к научным трудам Веселовского вызван именно тем, что их значительная часть ранее не была введена в научный оборот⁴ (Заявление от группы ученых..., 1957–1963: Л. 1–2):

...покойный академик С. Б. Веселовский при жизни не успел опубликовать многих своих работ, которые в настоящее время хранятся в Архиве Академии Наук СССР. [...] По нашему глубокому убеждению большую пользу для исторической науки принесло бы издание неопубликованных, а также переиздание уже опубликованных, но ныне ставших библиографической редкостью, исторических и археографических работ покойного академика С. Б. Веселовского. Для этого следовало бы создать специальную комиссию, которая смогла бы отобрать и подготовить к печати наиболее ценную и актуальную часть научного наследия С. Б. Веселовского.

Интерес к научному наследию Веселовского был также вызван развитием теоретико-методологических основ вспомогательных исторических дисциплин в позднесоветский период, ростом интереса к источниковедению, например, в трудах таких исследователей, как М. Н. Тихомиров (1893–1965), Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин (1905–1977), А. А. Зимин (1920–1980), Е. И. Каменцева (1920–2004), О. М. Медушевская (1922–2007), С. М. Каштанов (р. 1932), В. А. Муравьев (1941–2009) и многих других. Все чаще стали печататься ежегодники по вспомогательным историческим дисциплинам (после продолжительного перерыва в 1968 году вновь начал публиковаться ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины»). Наряду с вопросами теории и методологии рассматривалась также и история развития вспомогательных исторических дисциплин (Каменцева, 1979). Изучение истории дисциплин, прежде всего, предполагало обращение к научному наследию исследователей предыдущих поколений, находившихся у истоков формирования

⁴ Точная дата заявления неизвестна, но судя по сведениям, которые указаны в тексте, оно было написано, по всей видимости, в 1957 году.

и развития дисциплин, в том числе Веселовскому, который разрабатывал исследования в области генеалогии, ономастики, исторической географии и археологии.

Предпосылки к созданию Комиссии по изданию трудов Веселовского (далее — Комиссия) намечаются в первые годы после смерти академика. В апреле 1953 года по поручению Дирекции Института Истории АН СССР была создана специальная комиссия в составе А. А. Новосельского (1891–1967), Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, а также заведующего Московским отделением Архива АН СССР Ф. Д. Гетмана (1897–1992?) для оценки целесообразности их приобретения с последующей публикацией (Специальная Комиссия..., 1953: Л. 1). В итоге комиссия высоко оценила научную значимость трудов ученого, т. к. в июне 1954 года, приблизительно через два года после смерти Веселовского, Московскому отделению Архива АН СССР вдовой покойного академика О. А. Веселовской (О. А. Бессарабовой) (1896–1967) были переданы подлинники, фрагменты и черновики трудов (около 200 дел).

На заседании Бюро Отделения исторических наук АН СССР в ноябре 1957 года было принято решение о создании Комиссии, членам которой было поручено «в шестимесячный срок подготовить конкретные предложения по изданию трудов академика» (Заседание Бюро..., 1953–1959: Л. 81). К маю 1958 года был утвержден план издания. Комиссию возглавил академик М. Н. Тихомиров, участниками были и другие видные советские историки того времени: член-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков (1908–2001), В. И. Шунков (1900–1967), Н. В. Устюгов и только начинавший путь в науке Б. В. Левшин (1926–2012) (Заявление от группы ученых..., 1957–1963: Л. 1–2). Изначально А. А. Зимин рассматривался в качестве члена Комиссии, однако, как видно из дальнейших ее планов и заявлений, формально он в нее не входил (там же: Л. 14–16), вероятно, из-за того, что в 1950-е годы он входил в аналогичную комиссию по выявлению и изданию трудов историка С. В. Бахрушина, а также работал над докторской диссертацией, защищенной в 1959 году. Официально в состав Комиссии не вошла и О. А. Веселовская, однако, как видно из ее писем родственникам в 1950-е годы, она принимала активное участие в редакции работ покойного супруга (В. С. Веселовский, 2019: 310):

Держу связь с редактором Михаилом Николаевичем Тихомировым и рецензентом Виктором Ивановичем Шунковым, чтобы исправили все дурачества и лягусы. Даже при беглом просмотре я нашла 19 серьезных редакторских искажений. Шунков и Тихомиров меня поддерживают.

В план Комиссии входило издание трудов Веселовского в семи томах в 1960–1966 годах, т. е. по одному тому в год (Заявление от группы ученых..., 1957–1963: Л. 5). Судя по плану, составленному в конце 1950-х годов, в I-й том должны были войти «Статьи об Иване Грозном и его времени», а также труд «Род и предки А. С. Пушкина в истории» (редакторы — М. Н. Тихомиров и Б. В. Левшин), во II-й — «Исторические карты XIII–XVII вв. с объяснительными текстами», а также «Поуездные карты XVI–XVII вв. (12 центр. уездов)» (редакторы — Б. А. Рыбаков и И. А. Голубцов (1887–1966)), III-й том — «Послужные списки приказных людей XV–XVII вв.» и «Личные прозвища и фамилии в Северо-Восточной Руси до XVIII в.» (редактор — Н. В. Устюгов), IV-й том — «Монографии, посвященные отдельным дворянским родам» (редактор — В. И. Шунков), V-й том — «Акты писцового дела» (редактор — Н. В. Устюгов), VI-й том — «Приходо-расходные книги московских приказов» (редактор — Н. В. Устюгов), VII-й том («дополнительный») — «Работы, не вошедшие в предыдущие тома» (редактор — В. И. Шунков) (там же: Л. 4–5).

Дальнейшая история публикации трудов историка показывает, что ряд пунктов данного плана не был реализован в указанный срок. Так, статьи об Иване Грозном были опубликованы в 1963 году (С. Б. Веселовский, 1963), исследование «Род и предки А. С. Пушкина в истории» было опубликовано в неполном виде в 1969 году в двух выпусках журнала «Новый мир» (С. Б. Веселовский, 1969b) и частично в книге «Исследование по истории класса служилых землевладельцев» (С. Б. Веселовский, 1969a). Полностью тщательно отредактированное исследование было опубликовано лишь в 1990 году (С. Б. Веселовский, 1990). Кроме того, в 1960-х годах также были опубликованы материалы, которые предполагалось издать в IV-м томе плана (С. Б. Веселовский, 1969a).

По всей видимости, смерть многих членов Комиссии в 1960-е годы (в том числе И. А. Голубцова и А. А. Новосельского, которые должны были подготовить к печати исторические карты Веселовского) (Заявление от группы ученых..., 1957–1963: Л. 14–15) помешала реализации плана публикаций в срок. В 1967 году умерла О. А. Веселовская, которая с конца 1950-х годов согласовывала с членами Комиссии редактуру исследований покойного супруга. То, что план в 1960-е годы был выполнен лишь частично, связано и с трудоемкой подготовкой рукописей к печати. Например, одна из сложнейших задач публикаторов заключалась

в выверке текстов, выборе наиболее полного варианта для публикации⁵, в результате чего, по всей видимости, тексты находились на разных этапах археографической работы.

Львиная доля трудов Веселовского, запланированных к изданию в 1960-е годы, вышла из печати в 1970–1990-е годы. Немаловажным фактором в продолжившейся публикации, по всей видимости, было постановление Бюро Отделения исторических наук АН СССР в 1963 году об издании трудов Веселовского под двумя грифами: Отделения исторической наук АН СССР и Архива АН СССР (Постановление Бюро..., 1953–2002: Л. 79). Совместные усилия сотрудников Института Истории и Архива АН СССР, во-первых, способствовали преемственности работы Комиссии и плодотворной реализации публикационных задач, поставленных еще в 1950-е годы, а во-вторых, позволили привлечь широкий круг специалистов не только по темам, которые разрабатывал Веселовский, но и по археографии и архивоведению. После смерти М. Н. Тихомирова Комиссию возглавил В. И. Буганов (1928–1996), однако не менее важную роль в последующем издании трудов Веселовского сыграл Б. В. Левшин, ставший в 1963 году директором Архива АН СССР. Помимо них в качестве редакторов и составителей научно-справочного аппарата и консультантов выступали другие сотрудники двух научных учреждений: А. Л. Станиславский (1939–1990), Л. Г. Дубинская, А. С. Ксенофонтова, Э. Г. Чумаченко, Н. Ф. Демидова (1920–2015) и др.

Вероятно, издание трудов под двумя грифами было также необходимо с финансовой точки зрения. Судя по материалам Комиссии, финансовое обеспечение издания трудов Веселовского должно было быть возложено на Институт Истории АН СССР (Заявление от группы ученых..., 1957–1963: Л. 5). В финансовое обеспечение помимо непосредственного издания трудов входило денежное вознаграждение наследникам покойного академика. В тех же материалах зафиксировано следующее (там же: Л. 5):

Так как наследники сохраняют право на получение авторского гонорара в течение только 10-ти лет по смерти автора, то рекомендовать заключить договор с Из-вом с 1960 г. сразу же на все издание.

⁵ В фонде 620 Архива РАН сохранилось несколько вариантов рукописей ученого. Так, редакторы книги «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (1969) стремились отбирать наиболее полные варианты текстов, которые, в свою очередь, дополнялись фрагментами (в примечаниях) из других. А при подготовке «Ономастикона» (1974) были использованы пять вариантов рукописей (Буганов, 1974: 7–8).

Но, по всей видимости, изначальный размер оплаты был ощутимо сокращен. Так, О. А. Веселовская в письме от 14 марта 1959 года упоминает, что их гонорар был вдвое уменьшен В. С. Веселовский, 2019: 310).

РЕЦЕНЗИИ КАК ФОРМА КЛАССИКАЛИЗАЦИИ

В вопросе о влиянии научного наследия Веселовского на позднесоветскую историографию отдельное внимание следует уделить рецензиям на его труды. В целом рецензент, выступая в качестве эксперта в определенной научной области, стремится выразить не только собственную точку зрения, но и принципы, которые преобладают в научном сообществе.

Всего на позднесоветские издания трудов Веселовского было около тридцати рецензий / обзоров. Само количество уже свидетельствует о востребованности исследований историка в советской и зарубежной историографии (несколько рецензий / обзоров вышло в таких журналах, как «The American Historical Review» или «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas»).

В рецензиях на труды Веселовского подчеркивалось привлечение широкого круга источников в сочетании с тщательным источниковедческим анализом, междисциплинарный характер исследований (помимо генеалогии отмечалась роль топонимики в изучении социально-политической истории Московского государства).

В редких случаях в 1960-е годы рецензенты частично подвергали критике идеологическое несоответствие трудов Веселовского советской историографии. На общем фоне именно из-за характера критики выделялась рецензия Г. Д. Бурдей (1919–1999) на работы по теме опричнины (Бурдей, 1964: 27–34). В рецензии Веселовский подвергся критике за субъективно-идеалистический подход, трактовку событий с формально-юридических позиций и недостаточное внимание к привлеченной источниковой базе. Несмотря на критику, отчасти схожую с той, которой ученый подвергся в ходе идеологических кампаний в период «позднего сталинизма», оценку исследований Веселовского по опричнине трудно назвать отрицательной. Например, Г. Д. Бурдей также подчеркнул, что

С. Б. Веселовский впервые дал обстоятельный анализ первоначального состава земель, вошедших в опричнину, показал изменения территории государева удела, предпринял реконструкцию личного и социального состава опричнины (там же: 28).

Кроме того, автор рецензии с положительной стороны рассматривал переоценку Веселовским изысканий предшественников.

В последующих рецензиях, хотя авторы и выделяли недочеты в работе как Веселовского, так и публикаторов, это редко ставилось в укор автору. Например, В. Н. Бочков (1937–1991) в рецензии на «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» отметил, что

в помещенных в книге статьях встречаются лакуны, быть может незаметные для большинства читателей, но бросающиеся в глаза специалисту. *Разгадка проста: настоящая публикация — посмертная. Если бы С. Б. Веселовский лично готовил к печати свои монографии через тридцать лет после их написания, он, конечно, бы внес в них немало исправлений и дополнений* [здесь и далее курсив мой — Т. Х.] (Бочков, 1970: 273–274).

Именно учет обстоятельств издания позволял авторам в итоге рассматривать публикацию того или иного исследования Веселовского как «крупное событие» в советской историографии.

В рецензиях 1960 – начала 1990-х годов заметное место занимали рассуждения не только о научном наследии Веселовского, но и о его личности. Часто исследователи выходили за рамки поднятых в рецензируемой книге тем и подчеркивали *образцовость исследовательских принципов* Веселовского, нормы, ценности и добродетели ученого. Например, «агиографический дискурс» зафиксирован в рецензии на сборник статей, посвященный памяти Веселовского (Хохлов, 1980: 215):

Громадный материал, введенный С. Б. Веселовским в научный оборот, его преданность науке являют собой *образец для каждого серьезного исследователя, какой бы отраслью исторического знания он ни занимался.*

Отмечу интерес к трудам Веселовского не только в научной исторической периодике (например, в таких ведущих советских журналах, как «История СССР» или «Вопросы истории»), но и в общественной сфере. Этот интерес был, по всей видимости, связан с тем, что Веселовский был одним из первых историков советской эпохи, рассматривавших политику Ивана IV с критических позиций, а не с апологетических. В. Б. Кобрин (1930–1990) отметил востребованность в историографии книги «Исследования по истории опричнины» (Кобрин, 1992: 172–173):

Ее опубликование сыграло исключительно важную роль в развитии не только исторической науки, но и общественного сознания: недаром рецензии на этот сугубо научный труд появились в литературных журналах — «Новом мире» и «Знамени». За рубежом статьей «Мифы и реальность об Иване Грозном» откликнулся в журнале «Ринашита» известный итальянский критик Витторио Страда.

Кроме того, рецензии на труды Веселовского на русском языке вышли в таких журналах, как «Дружба народов» (Хохлов, 1970: 279–280) и «Наука и жизнь» (Кучкин, 1975: 102–103).

Публикация рецензий за пределами академических изданий свидетельствует о попытке привлечь к научному наследию Веселовского более широкий круг читателей, в особенности в известных литературно-художественных и научно-популярных журналах. В рецензии историка С. М. Дубровского (1900–1970) в журнале «Знамя» на книги Веселовского («Исследования по истории опричнины») и А. А. Зиминой («Опричина Ивана Грозного») подчеркивалось не только историографическое значение трудов ученых, но и этическое, что выражалось в попытке преодоления идеализации образа Ивана IV. Критика работы Веселовского почти отсутствовала, был отмечен недостаток обобщающих выводов, что С. М. Дубровский связывал с особенностями скорее научных трудов Веселовского в принципе, а не конкретного исследования (Дубровский, 1965: 213–214):

Надо сказать, что общие выводы С. Б. Веселовского очень скупы. Обычно он описывает, тщательно анализирует исследуемый факт, не прибегая при этом к сколь-нибудь широким историческим обобщениям. Однако приводимые в книге факты приобретают весьма значительный интерес, если весь фактографический анализ С. Б. Веселовского рассматривать с классовых позиций (а это единственный путь), увязывая его со всем историческим процессом того времени.

В рецензии писателя Е. Я. Дороша (1908–1972) на ту же книгу Веселовского об опричнине также подчеркивалось этическое значение публикации, однако рецензент немало внимания уделил и этосу Веселовского как историка (Дорош, 1964: 261):

Когда книга уже была прочитана, я вернулся к первым ее страницам и перечитал подчеркнутые мною строки, характеризующие Карамзина, но по сути дела выражающие взгляд Веселовского на существо работы историка вообще. Отметив как само собой разумеющееся то обстоятельство, что Карамзин как историк во многих отношениях устарел, Веселовский говорит, что «по своей авторской добросовестности и по неизменной воздержанности в предположениях и домыслах он до сих пор остается образцом, не достигаемым для многих последующих историков, у которых пренебрежение к фактам, нежелание их искать в источниках и обрабатывать соединяются с самомнением и постоянными претензиями на широкие и преждевременные обобщения, не основанные на фактах». Мне подумалось, что слова о добросовестности

в предположениях и домыслах следует прежде всего отнести к автору этих очерков об опричнине.

Согласно Е. Я. Дорошу, именно исследовательские принципы Веселовского (тщательный анализ различных сторон исторического процесса, стремление к объективности, бескорыстность) позволили шире взглянуть на личность и политику Ивана IV (Дорош, 1964: 262–263).

В целом авторы рецензий и обзоров стремились не только отдать дань памяти ученому, но и отразить научное значение трудов Веселовского для советской исторической науки. Они подчеркивали фундаментальный характер его трудов и отмечали информационный потенциал вводимых в научный оборот источников, дальнейшие перспективы исследований, а также нормы и ценности Веселовского как ученого, что только усилило процесс накопления посмертного научного капитала. Тем не менее, если ключевую роль в классикализации научного наследия Веселовского сыграла публикация трудов и вместе с тем их включенность в позднесоветскую историческую науку, то рецензии в основном фиксировали отношение к изысканиям и личности Веселовского в историографии.

ВЛИЯНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПОЗДНЕСОВЕТСКУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ

Классикализация зависит не только от специфики самого исследования (оригинальной постановка вопроса и пути решения, дискурсивных особенностей текста), но и от обстоятельств рецепции идей ученого (Вахштайн, 2009: 68–70). Востребованность научных идей прослеживается через степень вовлеченности в научную дискуссию в последующей историографии, что только подчеркивает актуальность интеллектуального продукта. Такой характер обращения подразумевает фундаментальный научный вклад предшественника, который последующие исследователи не могут обойти стороной.

В позднесоветской историографии влияние научного наследия Веселовского проявилось главным образом в исследованиях по вспомогательным историческим дисциплинам, эпохе Ивана IV Грозного, истории землевладения Московского государства, чему во многом способствовало издание трудов в позднесоветский период.

В позднесоветской историографии эпоха Ивана IV Грозного — одна из центральных тем по истории допетровской России, которая объединяет дискуссионные вопросы образования и развития единого государства,

истории землевладения, опричнины. Преемственность взглядов Веселовского по данной теме прослеживается, прежде всего, в научном творчестве А. А. Зимина и В. Б. Кобрин. С точки зрения классикализации научного наследия Веселовского роль А. А. Зимина и В. Б. Кобрин заключается в концептуальной включенности трудов старшего коллеги в позднесоветские историографические дискуссии по истории опричнины. В историографии многократно подчеркивалось, что в отличие от многих предшественников и современников (например, С. Ф. Платонова (1860–1933), Н. П. Павлова-Сильванского (1869–1908), П. А. Садикова (1890–1942)) Веселовский не связывал опричнину с социальными преобразованиями в стране. Формирование подходов к изучению опричнины в советской историографии и вместе с тем генеалогию научных взглядов кратко проанализировал В. Б. Кобрин (Кобрин, 1985: 150):

Но наметился и другой подход к проблеме. С. Б. Веселовский, отвергая всякий смысл опричной политики, видел в ней лишь плод личного столкновения царя со своими двором и, естественно, не ставил вопроса о ее социальных результатах. А. А. Зимин, подводя итоги проведенному им тщательному исследованию земельной политики опричнины, писал, что «она отнюдь не подорвала социально-экономической основы могущества феодальной аристократии. Число княжеско-боярских земельных владений в XVII в. было не меньше, чем в XIV в.». Точку зрения, во многом совпадающую со взглядами С. Ф. Платонова и его последователей, защищают сегодня Р. Г. Скрынников и В. И. Корецкий.

В целом в позднесоветской историографии закрепилось представление, согласно которому взгляды С. Б. Веселовского, А. А. Зимина и В. Б. Кобрин имеют концептуальное родство (Семенченко, 1988: 191; Ермолаев, 1987: 117).

Выводы во многом зависели от избранного пути исследования и корпуса источников. Веселовский был одним из первых историков, применивших результаты генеалогических исследований к теме опричнины, привлечшим принципиально новые источники. А. А. Зимин, по-видимому, уже в 1950–1960-е годы был хорошо знаком с личным фондом Веселовского в Архиве АН СССР, в период работы над монографией «Опричнина Ивана Грозного», в которой он обращался анализу тех же источников, что и Веселовский в своих исследованиях (Зимин, 1964). Среди них были синодики, вкладные и родословные книги. С их помощью А. А. Зимин стремился разобраться в родственных связях служилых землевладельцев, которые играли ключевую роль в иерархии чинов и межличностных отношениях, а также изучить состав жертв, подвергшихся опале.

Подробнее А. А. Зимин привлек генеалогию в монографии о формировании боярской аристократии, которая хоть и была опубликована посмертно, в 1988 году, но была основана на его изысканиях 1950–1960-х годов (Зимин, 1988). Как и Веселовского, А. А. Зимины интересовали служилые люди в историческом контексте: он сконцентрировался на родословиях тех семей, представители которых составляли основу Боярской думы. Во второй части этой монографии работы Веселовского и вовсе являются отправной точкой для дальнейшего исследования. Путем критики Зимин способствовал дополнению отдельных наблюдений Веселовского (там же: 156):

В выводы Веселовского внесены некоторые коррективы. Так, к родам, выехавшим на Русь или выдвинувшимся при Дмитрии Донском, Веселовский относит Новосильцевых и Кутузовых. Но возвышение Новосильцевых относится только к началу XVI в. [...]. Сложен вопрос о происхождении рода Морозовых. Веселовский относил его к числу древнейших. Однако возвышение Морозовых при великокняжеском дворе лучше датировать концом XIV–началом XV в. [...] Нет ясности у Веселовского о времени вхождения в состав боярства потомков Редечи.

Другим примером вовлеченности исследований Веселовского в историографию тех лет может служить кандидатская диссертация В. Б. Кобрина, защищенная в 1961 году. Так, в исследовании Веселовского «Послужные списки опричников» приведены сведения (преимущественно генеалогические) о 100 опричниках (С. Б. Веселовский, 1963: 200–237). Диссертация же В. Б. Кобрина была направлена на существенное дополнение работы Веселовского, начатой в 1950-е годы. В. Б. Кобрин в этом исследовании расширил состав опричников (до 277) и исключил из списка тех, кто, по его мнению, был включен Веселовским ошибочно или без аргументации.

Преемственность научных взглядов Веселовского прослеживается и в одном из крупнейших позднесоветских исследований по истории землевладения XV–XVI веков «Власть и собственность в средневековой России» (Кобрин, 1985). Как и Веселовский, В. Б. Кобрин рассматривал особенности феодального землевладения в Северо-Восточной Руси и персональный состав землевладельцев как способ изучения политической истории, что выразилось в опоре на наблюдения и выводы Веселовского в ряде источниковедческих и концептуальных вопросов, например при анализе жалованных грамот и земельной политики в эпоху Ивана Грозного. Монография В. Б. Кобрина способствовала развитию дальнейших

дискуссий по истории земельного устройства, класса феодалов, опричнины как в позднесоветский период, так и постсоветский. С учетом избранного подхода и результатов исследования В. Б. Кобрин, развившего взгляды Веселовского (например, В. Б. Кобрин, как и Веселовский, считал, что земельная политика опричнины не была направлена против крупного землевладения), научное наследие последнего только упрочилось в историографии.

В позднесоветские историографические дискуссии были включены не только сторонники, но и противники взглядов Веселовского. Р. Г. Скрынников (1931–2009) не был согласен с теоретическими взглядами Веселовского на опричнину. Например, в его монографии «Начало опричнины» исследования Веселовского по эпохе Ивана Грозного рассматривались в духе идеологических кампаний позднего сталинизма, подчеркивалось их несоответствие теоретическим принципам марксистской историографии (Скрынников, 1966: 12–13):

С. Б. Веселовский сводит весь конфликт опричнины к переходу Грозного из одного «двора» в другой и столкновению монарха со всем дворянством в целом. Классовый характер самодержавия как дворянской монархии полностью игнорируется, правительство рассматривается как надклассовая сила. Многие выводы С. Б. Веселовского отличаются субъективизмом.

Тем не менее Р. Г. Скрынников перенял многие источниковедческие наблюдения Веселовского, он стремился продолжить и усовершенствовать интеллектуальный продукт предшественника путем выявления недостатков. Так, в источниковедческом исследовании синодика опальных Ивана Грозного Р. Г. Скрынников подчеркнул несомненную ценность наблюдений Веселовского о документальном характере источника, но остался не согласен с выводами о случайности и неполноте списка опальных, что послужило основой для дальнейшего исследования (Скрынников, 1965: 22–86).

Оспаривал взгляд Веселовского на опричнину и Д. Н. Альшиц (1919–2012). В заключительных главах монографии «Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного», которые посвящены отмене опричнины, Д. Н. Альшиц выделил две основные точки зрения в историографии по данному вопросу: Скрынникова и Веселовского. Их аргументы были подробно разобраны и сопоставлены с источниковедческими сведениями, что позволило Д. Н. Альшицу поставить под сомнение вопрос об отмене опричнины именно в 1572 году и предложить свою интерпретацию (Альшиц, 1988: 139–227).

Исследования Веселовского по вспомогательным историческим дисциплинам нашли отражение в научном творчестве не только А. А. Зиминой и В. Б. Кобринина, но и М. Е. Бычковой (1936–2014), одного из крупнейших исследователей в области генеалогии в последней трети XX – начале XXI века. В отличие от первых двух историков М. Е. Бычковой изначально интересовали в большей степени источниковедческие вопросы в генеалогических исследованиях Веселовского. Ее кандидатская диссертация, защищенная в 1969 году, была посвящена изучению родословных книг XVI–XVII веков⁶. При анализе источниковедческих вопросов она главным образом опиралась на научное наследие двух исследователей, внесших к тому времени наиболее заметный вклад по теме ее работы, – Н. П. Лихачева (1862–1936) и Веселовского. В диссертации М. Е. Бычкова продолжила работу Лихачева по анализу происхождения родословных книг (по изучению редакций источников), а исследования Веселовского – по анализу содержания, т. к. во второй части работы она стремилась определить информационный потенциал этих источников для дальнейшего привлечения в историко-генеалогических исследованиях. Влияние научного наследия Веселовского прослеживается в решении источниковедческих вопросов о причинах наличия в родословцах определенных фамилий, достоверности легенд, а также связи этих источников с летописями.

О влиянии трудов Веселовского на генеалогические исследования позднесоветской эпохи также свидетельствует сборник 1977 года, посвященный памяти ученого (История и генеалогия, 1977). В нем прослеживаются тенденции, отмеченные историком еще в сталинские годы: во-первых, наблюдается тесная взаимосвязь генеалогии с другими вспомогательными историческими дисциплинами (Веселовский связывал ее с ономастикой и исторической географией), а во-вторых, несмотря на то что Веселовский занимался изучением родословной служилых землевладельцев в XIV–XVI веков, он считал, что генеалогия может привести существенные открытия относительно истории других социальных групп, например крестьянства (С. Б. Веселовский, 1978: 206). Таким образом, в сборнике прослеживается не только изменение восприятия научного наследия ученого, внесшего ощутимый вклад в развитие генеалогии, которая в сталинские годы почти не разрабатывалась, но и преемственность взглядов Веселовского в исследованиях позднесоветской эпохи.

⁶На основе диссертации в 1975 году была издана монография (Бычкова, 1975).

Сборник сыграл ощутимую роль в восприятии Веселовского как *фигуры самоидентификации*. Генеалогические исследования Веселовского выделялись на фоне трудов предшественников более широкими задачами: он, в отличие от крупных дореволюционных генеалогов, рассматривал генеалогию как *метод исследования* и связывал историю родов с наиболее важными социально-политическими процессами допетровской России, в частности с историей землевладения. Изыскания Веселовского стали для ряда исследователей (прежде всего, А. А. Зими́на, В. Б. Кобрина, М. Е. Бычковой) теоретико-методологическим ориентиром.

В изучении влияния научного наследия Веселовского по генеалогии отдельного внимания заслуживает Первая Всесоюзная конференция «Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования» 1989 года, а также публикация по ее итогам сборника работ (Генеалогические исследования, 1994). Эта конференция была беспрецедентным по масштабу научным событием по генеалогии в СССР, на котором выступили с докладами около ста исследователей (там же: 3). Одним из наиболее часто упоминаемых исследователей на страницах сборника 1994 года (всего в сборнике 29 статей) наряду с А. А. Зиминым и А. Л. Станиславским был Веселовский. Судя по характеру упоминаний трудов Веселовского, авторы сборника стремились подчеркнуть преемственность его изысканий в позднесоветской историографии. Особенно это прослеживается в первых трех статьях сборника, посвященных памяти Станиславского (автор первой статьи В. Д. Назаров (р. 1938), второй — А. П. Павлов (р. 1952)), а также перспективам развития генеалогических исследований (автор — В. Б. Кобрин) (там же: 5–34). Так, в статьях отмечалось «идейное родство» трудов Веселовского и более поздней историографии: в трудах А. Л. Станиславского (изучение состава и структуры сословий в России XVI–XVII веков, исследовательские принципы⁷) и А. А. Зими́на (генеалогия землевладельцев XIV–XVI веков). Авторы не только подчеркивали историографическое значение изысканий Веселовского, но и способствовали их непосредственному вовлечению в исследования по истории России.

⁷ А. П. Павлов о А. Л. Станиславском: «Как и Веселовский, он стремился максимально отрешиться от предвзятых, заранее составленных суждений и концепций и главную задачу историка видел в расширении круга известных фактов, в поисках нетрадиционных путей исследования» (Генеалогические исследования, 1994: 17).

В последней трети XX века помимо генеалогии стала возрождаться другая дисциплина, которая нашла отражение в научном творчестве Веселовского, — антропонимика. В целом с конца 1950-х по 1970-е годы стало появляться все больше работ по этой дисциплине, что только усиливало интерес исследователей к научному наследию Веселовского. Исследованиями по антропонимике занимался и В. Б. Кобрин (Кобрин, 2008: 169–198). Оба историка рассматривали эту дисциплину как тесно связанную с генеалогией ввиду того, что одни и те же лица могли по-разному называться (либо по именам, либо по имени и отчеству, либо по имени и прозвищу) в различных источниках, и, соответственно, исследователю-генеалогу следовало прежде всего разобраться в вопросе принадлежности определенному лицу того или иного антропонима.

В 1960–1980-е годы заметное место в историографии занимали труды Веселовского, опубликованные еще при жизни. Особенно это относится к исследованиям о землевладении, в том числе к книге «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси», которая подверглась идеологической критике в период позднего сталинизма⁸. Так, И. И. Смирнов (1909–1965) во введении к книге А. И. Копанева (1915–1990) «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.» подчеркнул, что история землевладения является одной из центральных тем истории феодализма, но в советской историографии она почти не рассматривалась, кроме как в трудах Веселовского, в том числе в книге о феодальном землевладении (Смирнов, 1951: 3):

В советской же историографии вопросы истории феодального землевладения для периода XV–XVI вв. не подвергались специальному монографическому изучению (*за исключением работ акад. С. Б. Веселовского, которые, однако, стоят на порочных методологических основах и дают неверную схему истории феодального землевладения*).

Тем не менее сам А. И. Копанев в этой книге опирался не только на фактические сведения из трудов Веселовского, но и на их выводы (Копанев, 1951: 182):

С. Б. Веселовский, наблюдая земельные приобретения многих монастырей Руси во второй половине XVI в., установил, что стремление боярства дать земли в монастырь в пору опричнины было повсеместным. Сдавая вотчину в монастырь, боярин обеспечивал тем самым свое будущее. Ярким примером может служить история вотчины боярина Федорова.

⁸ Подробнее о критике книги «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (1947) Веселовского в условиях «буржуазного объективизма» — (Тихонов, 2013: 104–113).

В позднесоветский период книга «Феодальное землевладение...» имела совершенно иную оценку в историографии. Как отмечено у Н. Е. Носова (1924–1985), Веселовский рассматривался как «автор крупнейшего в советской историографии специального исследования по истории феодального землевладения в Северо-Восточной Руси» (Носов, 1972: 52). Схожую оценку получила книга и в биографическом очерке В. Б. Кобрин и К. А. Аверьянова (р. 1959) 1989 года (Аверьянов, Кобрин, 1989: 27):

Для сегодняшнего исследователя книга Веселовского — фундаментальный классический труд, многие выводы которого прочно вошли в научный оборот.

Влияние трудов Веселовского, опубликованных при жизни, прослеживается и в научном творчестве Л. В. Черепнина. Несмотря на критику юридических трактовок Веселовского, Л. В. Черепнин в монографии об образовании русского централизованного государства стремился адаптировать отдельные наблюдения из «Феодального землевладения...» к марксистской теории (Черепнин, 1960: 121). Например, опора на изыскание Веселовского была необходима автору для иллюстрации права родового земельного выкупа как одной из тенденций развития феодальной собственности в XIV–XV века или для уточнения вопросов условного землевладения, поместной системы (там же: 191, 197, 199, 205). В монографии Л. В. Черепнин опирался и на другие труды Веселовского, опубликованные при жизни, в частности на исследование «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.». Так, в параграфе об образовании промысловых поселков и сельских торжков наблюдения Веселовского способствовали формированию выводов о становлении в XV веке поселений промыслово-торгового типа как одного из факторов образования экономических связей (там же: 304):

С. Б. Веселовский поднял очень интересный вопрос о возникновении в Северо-Восточной Руси в период образования централизованного государства сельских торжков. Автор относит это явление «ко второй половине XV в. и последующему времени». Но для второй половины XV в. он приводит только два примера, свидетельствующих о наличии торжков в селах. Данные, приведенные С. Б. Веселовским и широко затем использованные в советской литературе, относятся к селам Медне Новоторжского уезда и Клементьеву Радонежского уезда. Между тем в распоряжении исследователей имеется гораздо больший материал о сельской торговле во второй половине XV в.

Тема феодального землевладения с опорой на научное наследие Веселовского получила развитие и в исследованиях Ю. Г. Алексева (1926–2017). В книге «Аграрная и социальная история Северо-

Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд» автор выделяет изъяны во взглядах Веселовского на мелкую вотчину (Алексеев, 1966: 49–51). А. Ю. Алексеев подчеркивает, что в трудах Веселовского прослеживается наиболее подробная характеристика в советской историографии (к 1966 году) складывания мелкой вотчины, но в то же время отмечает, что лишь две социальные категории (обедневшие потомки феодалов и холопы) находились в центре внимания автора «Феодального землевладения...» (там же: 67):

Однако другая сторона истории мелкой вотчины — ее взаимоотношения с волостными крестьянами — ускользает из поля зрения исследователя, что является непосредственным следствием общей концепции С. Б. Веселовского, игнорировавшего черную волость. Отсюда вытекает и то, что С. Б. Веселовский не различает в составе мелких вотчинников две социальные категории, имеющие различную природу и различное значение: мелкое крестьянское владение, вырастающее на почве разлагающейся волости и проявляющее тенденцию перерасти в феодальную собственность, и мелкое феодальное владение — осколок раздробившейся крупной вотчины.

В итоге это замечание позволило Ю. Г. Алексееву прийти к ряду выводов об особенностях светской феодальной вотчины в Переяславском уезде XV века (там же). Следует подчеркнуть характер критики: не ставится под сомнение привлечение концепции по идеологическим соображениям, а выделяется недостаток, который позволил выработать новое теоретическое построение путем дополнения / усовершенствования уже существующего.

Подвергались критике труды Веселовского, опубликованные в дореволюционный период. В статье Л. В. Милова (1929–2007) о писцовых книгах были пересмотрены концепция Веселовского о сошном письме и принципы работы с писцовыми книгами (Милов, 1978: 127–142). Замечу, что сама постановка цели анализа скептических взглядов Веселовского на информационный потенциал писцовых книг в изучении экономической системы Московского государства свидетельствует о степени влияния его взглядов на позднесоветскую историографию. Как отметил современный историк А. А. Фролов,

с позиций, близких к точке зрения С. Б. Веселовского, к информативным возможностям писцовых книг XVII в. подходили позднее А. Савич, Ю. А. Тигонов, А. Л. Шапиро, В. А. Аракчеев (Фролов, 2014).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевую роль в классикализации научного наследия Веселовского сыграло издание его трудов, растянувшееся на несколько десятилетий. Поэтапная публикация способствовала раскрытию ранее неизвестных в историографии исследований ученого по эпохе Ивана Грозного, истории землевладения, вспомогательным историческим дисциплинам. Вместе с тем продолжали вызывать интерес в позднесоветской исторической науке и труды, опубликованные при жизни, в том числе по истории фискальной системы Московского государства. Таким образом, несмотря на то что исследования Веселовского были проведены давно, в позднесоветскую эпоху они продолжали вовлекаться в научные дискуссии, участвовать в формировании нового знания. С оговорками, но все же труды Веселовского соответствовали и номинальному критерию классики: чаще всего исследователи называли их «фундаментальными» (а сам Веселовский был представлен как «маститый» / «выдающийся» историк / исследователь), хотя в редких случаях употреблялись слова «классика» / «классический». Эти критерии позволяют сделать предположение о том, что труды Веселовского стали научной классикой уже в позднесоветский период.

Тем не менее есть и другие факторы, которые фиксируют отношение к научному наследию как классическому, и их целесообразно проанализировать в будущих исследованиях. В частности, представляет интерес степень вовлеченности научного наследия историка в образовательный процесс в позднесоветскую эпоху (в особенности в преподавание курсов по истории России (допетровской эпохи), источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины), а также в зарубежную историографию. Необходимо учитывать значение не только трудов, но и восприятия личности, исследовательских принципов, этоса ученого среди коллег по цеху, что требует привлечения широкого круга источников личного происхождения / эго-документов.

СОКРАЩЕНИЯ

АРАН — Архив Российской академии наук.

Источники

Рукописные источники

Заседание Бюро Отделения исторических наук АН СССР // АРАН. — 1953–1959. — Ф. 457 (1953–1959). — Оп. 1. — Д. 24.

- Материалы по изданию трудов академика С.Б. Веселовского // АРАН. — 1957–1963. — Ф. 693. — Оп. 3. — Д. 156.
- Переписка с частными лицами о приобретении архивных материалов акад. С.Б. Веселовского // АРАН. — 1953. — Ф. 7. — Оп. 1. — Д. 266.
- Протоколы Бюро Отделения исторических наук АН СССР об издании трудов Веселовского // АРАН. — 1953–2002. — Ф. 457. — Оп. 1 (1953–2002). — Д. 527, 592.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянов К. А., Кобрин В. Б.* С.Б. Веселовский : Жизнь. Деятельность. Личность. — М. : Наука, 1989.
- Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. : Переяславский уезд. — М. : Наука, 1966.
- Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. — М. : Наука, 1988.
- Бочков В. Н.* Личность в истории и личность историка // Новый мир. — 1970. — № 7. — С. 271–274.
- Буганов В. И.* Предисловие // Ономастикон : древнерусские имена, прозвища и фамилии / под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина. — М. : Наука, 1974. — С. 3–8.
- Бурдей Г. Д.* Опричнина в новой исторической литературе // Преподавание истории в школе. — 1964. — № 6. — С. 27–34.
- Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. — М. : Наука, 1975.
- Вахштайн В. С.* «Неудобная» классика : творческое наследие Ирвинга Гофмана // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 64–101.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М. : Наука, 1969а.
- Веселовский С. Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории // Новый мир. — 1969б. — № 1/2. — С. 120–124, 205–241.
- Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России в период феодализма. — М. : Наука, 1978.
- Веселовский С. Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории. — М. : Наука, 1990.
- Веселовский В. С.* Проблемы нашей жизни. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. 1946–1977. — М. : Новый хронограф, 2019.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. — М. : Изд-во АН СССР, 1963.
- Генеалогические исследования : сборник научных трудов / под ред. В. А. Муравьева. — М. : Издательство РГГУ, 1994.

- Груздинская В. С.* «Реабилитация» М. Н. Покровского в сообществе историков : конец 50-х – 60-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. — 2020. — Т. 162, № 3. — С. 220–231.
- Дорош Е. Я.* Книга о грозном царе // Новый мир. — 1964. — № 4. — С. 260–263.
- Дубровский С. М.* Еще раз о «великом государе» // Знамя. — 1965. — № 1. — С. 211–216.
- Ермолаев И. П.* Рецензия на книгу : Кобрин В. Б., Власть и собственность в средневековой России // Вопросы истории. — 1987. — № 3. — С. 116–118.
- Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. — М. : Мысль, 1964.
- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. — М. : Наука, 1988.
- История и генеалогия : С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / под ред. Н. И. Павленко. — М. : Наука, 1977.
- Каменцева Е. И.* История вспомогательных исторических дисциплин : учебное пособие. — М. : МГИАИ, 1979.
- Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. — М. : Мысль, 1985.
- Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? — М. : Московский рабочий, 1992.
- Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — М. : РГГУ, 2008.
- Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. — М. : АН СССР, 1951.
- Корзун В. П.* Пантеон классиков в советской историографии : меняющийся этос науки (1920-е – начало 1930-х гг.) // Этос социальных групп, локальных и профессионально-педагогических сообществ в социокультурном пространстве России XVIII – начала XXI вв. / Ю. Б. Дроботенко, Л. М. Карпова, В. П. Корзун. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2020. — С. 55–79.
- Кучкин В. А.* Так звали наших предков // Наука и жизнь. — 1975. — № 9. — С. 102–103.
- Метель О. В.* Конструирование памяти корпорации советских историков в 1960 – 1980-х гг. Н. М. Лукин и возвращение имен «забытых» исследователей // История России с древнейших времен до XXI века : проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых, Москва, 11–14 октября 2021 года / под ред. Ю. А. Петрова, В. Н. Круглова. — М. : ИРИ РАН, 2021. — С. 495–502.
- Милов Л. В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С. Б. Веселовского) // История СССР. — 1978. — № 2. — С. 127–142.
- Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России / под ред. Н. Е. Носова. — Л. : Наука, 1972. — С. 44–71.

- Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С. А. Левиной, Б. В. Левшина. — М. : Древлехранилище, 2001.
- Поляков И. А. С. Б. Веселовский и его наследие в историографии и памяти общества // Клио. — 2013. — № 12. — С. 153–157.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. — М. : ГУ-ВШЭ, 2010.
- Семенченко Г. В. Рецензия на книгу : Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России // История СССР. — 1988. — № 3. — С. 191–194.
- Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. — М. : Памятники исторической мысли, 1997.
- Скрынников Р. Г. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году // Вопросы истории СССР XVI–XVIII вв. / под ред. Н. Н. Степанова. — Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1965. — С. 3–86.
- Скрынников Р. Г. Начало опричнины. — М. : Изд-во Ленинского университета, 1966.
- Смирнов И. И. Предисловие // История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. / А. И. Копанев. — М. : АН СССР, 1951. — С. 3–4.
- Тихонов В. В. Борьба с «буржуазным объективизмом» в советской исторической науке : С. Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2013. — № 2. — С. 104–113.
- Тихонов В. В. «Труды С. М. Соловьева... принадлежат к числу того наследия дореволюционной исторической науки, которым по праву гордятся советские историки» : к истории издания трудов С. М. Соловьева в СССР в 1950–60-е гг. // С. М. Соловьев и его эпоха : к 200-летию со дня рождения историка (Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием) / под ред. Ю. А. Петрова. — М. : ИРИ РАН, 2020. — С. 274–280.
- Фролов А. А. Историография исследовательских подходов в источниковедении средневековых государственных поземельных описаний стран Европы. Часть 1. Писцовые книги Московского государства / Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2014. — URL: <https://history.jes.su/s/207987840000934-6-1/> (датаобр. 27 сент. 2021).
- Холматов Т. К. Классикализация научного наследия С. Б. Веселовского // Диалог со временем. — 2021. — № 74. — С. 185–196.
- Хохлов Р. Ф. Вклад в историческую науку // Дружба народов. — 1970. — № 1. — С. 279–280.
- Хохлов Р. Ф. Рецензия на книгу : История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований // История СССР. — 1980. — № 1. — С. 215–216.
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках : очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М. : Изд-во Соцэкгиз, 1960.

Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось : последнее советское поколение. — М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Kholmatov, T. K. 2022. "Istoki klassikalizatsii [The Origins of Classicalization]: publikatsiya i vospriyatiye nauchnogo naslediya S. B. Veselovskogo [Publication and Perception of Academic Heritage of S. B. Veselovskiy]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 184–212.

ТЕМУРМАЛИК ХОЛМАТОВ

PHD STUDENT

DOCTORAL SCHOOL OF HISTORY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY "HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS"
(MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-2975-1647

THE ORIGINS OF CLASSICALIZATION

PUBLICATION AND PERCEPTION OF ACADEMIC HERITAGE OF S. B. VESELOVSKIY

Submitted: Sept. 27, 2021. Reviewed: Dec. 31, 2021. Accepted: Jan. 27, 2022.

Abstract: The research of how scientific works acquire the status of "classics" is an essential aspect of studying the actualization of ideas and approaches, their circulation in the academic field, as well as the current state of a scientific direction or discipline. Based on historiographical sources and documentation, this article analyzes the role of publication and perception of academic heritage of the famous historian, academician Stepan Borisovich Veselovskiy (1876–1952) in classification. In this research, the creation and activity of the Commission for the publication of Veselovskiy's papers are considered one of the key stages in the process of classicalization. The reasons for creating the Commission and its history, personal membership, and publishing plans based on documentation materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS) are studied. Also, the influence of Veselovskiy's literary heritage on the historiography of the late Soviet era is analyzed. The author considers the continuity of Veselovskiy's scientific views and research approaches on pre-Petrine Russia's history, the criticism of papers published both during his lifetime and posthumously. Special attention is paid to the influence of reviews on the classification of literary heritage. Further research prospects are highlighted, and it is assumed that the posthumous publication of Veselovskiy's academic works and their involvement in historiography created the basis for the classification of Veselovskiy's literary heritage in the late Soviet period.

Keywords: S. B. Veselovskiy, Classics, Classicalization, Scientific Heritage, Historiography, Soviet Historical Science, Auxiliary Historical Disciplines.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-184-212.

REFERENCES

Al'shits, D. N. 1988. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo [The Beginning of Autocratic Monarchy in Russia. The State of Ivan the Terrible]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.

- Alekseyev, Yu. G. 1966. *Agrarnaya i sotsial'naya istoriya Severo-Vostochnoy Rusi xv–xvi vv. [Agrarian and Social History of North-Eastern Russia of xv–xvi Centuries]: Pereyaslavskiy uyezd [Pereyaslavskiy Uezd]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Aver'yanov, K. A., and V. B. Kobrin. 1989. *S. B. Veselovskiy [S. B. Veselovskiy]: Zhizn'. Deyatel'nost'. Lichnost' [Life. Work. Personality]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Bochkov, V. N. 1970. "Lichnost' v istorii i lichnost' istorika [The Personality in History and the Personality of the Historian]" [in Russian]. *Novyy mir [New Word]*, no. 7: 271–274.
- Buganov, V. I. 1974. "Predisloviye [Foreword]" [in Russian]. In *Onomastikon [Onomasticon]: drevnerusskiye imena, prozvizhcha i familii [Old Russian Names, Nicknames and Surnames]*, ed. by V. I. Buganov and B. V. Levshin, 3–8. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Burdey, G. D. 1964. "Oprichnina v novoy istoricheskoy literature [Oprichnina in New Historical Literature]" [in Russian]. *Prepodavaniye istorii v shkole [Teaching History at School]*, no. 6: 27–34.
- Bychkova, M. Ye. 1975. *Rodoslovnyye knigi xvi–xvii vv. kak istoricheskiy istochnik [Genealogical Books of xvi–xvii Centuries as Historical Source]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Cherepnin, L. V. 1960. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v xiv–xv vekakh [The Formation of the Russian Centralized State in the xiv–xv Centuries]: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi [Essays of the Socio-Economic and Political History of Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Sots'ekgiz.
- Dorosh, Ye. Ya. 1964. "Kniga o groznom tsare [The Book about the Terrible Tsar]" [in Russian]. *Novyy mir [New Word]*, no. 4: 260–263.
- Dubrovskiy, S. M. 1965. "Yeshche raz o 'velikom gosudare' [Once Again about 'The Great Ruler']" [in Russian]. *Znamya [The Banner]*, no. 1: 211–216.
- Frolov, A. A. 2014. "Istoriografiya issledovatel'skikh podkhodov v istochnikovedenii srednevyekovykh gosudarstvennykh pozemel'nykh opisaniy stran Yevropy. Chast' 1. Pistoovyye knigi Moskovskogo gosudarstva [Historiography of Research Approaches in the Source Study of Medieval State land Descriptions of European Countries. Part 1. Scribal Books of the Moscow State]" [in Russian]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. Accessed Sept. 27, 2021. <https://history.jes.su/s207987840000934--6--1/>.
- Gruzdinskaya, V. S. 2020. "'Reabilitatsiya' M. N. Pokrovskogo v soobshchestve istorikov [M. N. Pokrovskiy's 'Rehabilitation' in the Community of Historians]: konets 50-kh – 60-ye gody khkh veka [The End of the 50s – 60s of the Twentieth Century]" [in Russian]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta [Proceedings of Kazan University]* 162 (3): 220–231.
- Kamentseva, Ye. I. 1979. *Istoriya vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin [History of Auxiliary Historical Disciplines]: uchebnoye posobiye [Textbook]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: MGAI.
- Khokhlov, R. F. 1970. "Vklad v istoricheskuyu nauku [The Contribution to Historical Science]" [in Russian]. *Druzhiba narodov [Friendship of the People]*, no. 1: 279–280.
- . 1980. "Retenziya na knigu [Review]: Istoriya i genealogiya. S. B. Veselovskiy i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovaniy [History and Genealogy. S. B. Veselovskiy and Issues of Historical and Genealogical Researches]" [in Russian]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, no. 1: 215–216.
- Kholmatov, T. K. 2021. "Klassikalizatsiya nauchnogo naslediya S. B. Veselovskogo [The Classicization of S. B. Veselovskiy's Heritage]" [in Russian]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, no. 74: 185–196.
- Kobrin, V. B. 1985. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii [Power and Property in Medieval Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.

- . 1992. *Komu ty opasen, istorik?* [For Whom are You Dangerous, Historian?] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskiy rabochiy.
- . 2008. *Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika* [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy] [in Russian]. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Kopanev, A. I. 1951. *Istoriya zemlevladieniya Belozerskogo kraya XV–XVI vv.* [The History of Land Ownership of the Belozersky Region of the XV–XVI Centuries] [in Russian]. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Korzun, V. P. 2020. “Panteon klassikov v sovet-skoy istoriografii [The Pantheon of Classics in Soviet Historiography]: menyayushchiysya etos nauki (1920-ye – nachalo 1930-kh gg.) [The Changing Ethos of Science (1920s – Early 1930s)]” [in Russian]. In *Etos sotsial’nykh grupp, lokal’nykh i professional’no-pedagogicheskikh soobshchestv v sotsiokul’turnom prostranstve Rossii XVIII – nachala XXI vv.* [The Ethos of Social Groups, Local and Professional-pedagogical Communities in the Socio-cultural Space of Russia in the XVIII – Early XIX Centuries], by Yu. B. Drobotenko, L. M. Karpova, and V. P. Korzun, 55–79. Omsk: Izd-vo OmGPU.
- Kuchkin, V. A. 1975. “Tak zvali nashikh predkov [Those Were the Names of Our Ancestors]” [in Russian]. *Nauka i zhizn’* [Science and Life], no. 9: 102–103.
- Levina, S. A., and B. V. Levshin, eds. 2001. *Perepiska S. B. Veselovskogo s otechestvennymi istorikami* [Correspondence of S. B. Veselovskiy with Russian Historians] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Drevlekhranilishche.
- “Materialy po izdaniyu trudov akademika S. B. Veselovskogo [Materials on the Publication of the Works of Academician S. B. Veselovskiy]” [in Russian]. 1957–1963. In *ARAN [Russian Academy of Sciences Archive]*. 693 / 3 / 156.
- Metel’, O. V. 2021. “Konstruirovaniye pamyati korporatsii sovet-skikh istorikov v 1960 – 1980-kh gg. [Constructing the Memory of the Soviet Historians in the 1960s – 1980s]: N. M. Lukin i vozvrashcheniye imen ‘zabytykh’ issledovateley [N. M. Lukin and the Return of the Names of ‘Forgotten’ Researchers]” [in Russian]. In *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka* [The History of Russia from Old Times to the XXI Century] : *problemy, diskussii, novyye vzglyady: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh, Moskva, 11–14 oktyabrya 2021 goda* [Problems, Discussions, New Views: Articles of the International Academic and Practical School-Conference of Young Researchers, Moscow, October 11–14, 2021], ed. by Yu. A. Petrov and V. N. Kruglov, 495–502. Moskva [Moscow]: IRI RAN.
- Milov, L. V. 1978. “Metodologicheskiye problemy istochnikovedeniya pistoricheskikh knig (o kontseptsii S. B. Veselovskogo) [Methodological Problems of Source Studies of Scribal Books (about the Concept of S. B. Veselovskiy)]” [in Russian]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, no. 2: 127–142.
- Murav’ev, V. A., ed. 1994. *Genealogicheskiye issledovaniya* [Genealogical Research]: *sbornik nauchnykh trudov* [Collection of Scientific Papers] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel’stvo RGGU.
- Nosov, N. Ye. 1972. “O dvukh tendentsiyakh razvitiya feodal’nogo zemlevladieniya v Severo-Vostochnoy Rusi v XV–XVI vv. [Two Trends in the Development of Feudal Land Ownership in North-Eastern Russia in the XV–XVI Centuries]” [in Russian]. In *Problemy krest’yanskogo zemlevladieniya i vnutrenney politiki Rossii* [Problems of Peasant Land Ownership and Domestic Policy of Russia], ed. by N. Ye. Nosov, 44–71. Leningrad: Nauka.
- Pavlenko, N. I., ed. 1977. *Istoriya i genealogiya* [History and Genealogy]: *S. B. Veselovskiy i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovaniy* [S. B. Veselovskiy and Issues of Historical and Genealogical Researches] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.

- “Perepiska s chastnymi litsami o priobretanii arkhivnykh materialov akad. S. B. Veselovskogo [Correspondence with Private Individuals about the Acquisition of Archival Materials of S. B. Veselovsky]” [in Russian]. 1953. In *ARAN [Russian Academy of Sciences Archive]*. 7 / 1 / 266.
- Polyakov, I. A. 2013. “S. B. Veselovskiy i yego nasledie v istoriografii i pamyati obshchestva [S. B. Veselovskiy and his Heritage in Historiography and Memory of Society]” [in Russian]. *Klio [Clio]*, no. 12: 153–157.
- “Protokoly Byuro Otdeleniya istoricheskikh nauk AN SSSR ob izdanii trudov Veselovskogo [Protocols of the Bureau of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences on the Publication of Veselovsky’s Works]” [in Russian]. 1953–2002. In *ARAN [Russian Academy of Sciences Archive]*. 457 / 1 (1953–2002) / 527, 592.
- Savel’yeva, I. M., and A. V. Poletayev. 2010. *Klassicheskoye nasledie [Classical Heritage]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: GU-VSh-E.
- Semenchenko, G. V. 1988. “Retsenzija na knigu [Review]: Kobrin V. B. Vlast’ i sobstvennost’ v srednevekovoy Rossii [Power and Property in Medieval Russia by V. B. Cobrin]” [in Russian]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, no. 3: 191–194.
- Sidorova, L. A. 1997. *Otpepel’ v istoricheskoy nauke. Sovet-skaya istoriografiya pervogo poslestatinskogo desyatiletija [The Thaw in Historical Science. Soviet Historiography of the First Post-Stalin Decade]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Skrynnikov, R. G. 1965. “Vvedeniye oprichniny i organizatsiya oprichnogo voyska v 1565 godu [The Introduction of the Oprichnina and the Organization of the Oprichnina Army in 1565]” [in Russian]. In *Voprosy istorii SSSR XVI–XVIII vv. [Questions of the History of the USSR of the XVI–XVIII Centuries]*, ed. by N. N. Stepanov, 3–86. Leningrad: LGPI im. A. I. Gertsena.
- . 1966. *Nachalo oprichniny [The Beginning of Oprichnina]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Leninskogo universiteta.
- Smirnov, I. I. 1951. “Predisloviye [The Introduction]” [in Russian]. In Kopanev 1951, 3–4.
- Tikhonov, V. V. 2013. “Bor’ba s ‘burzhuaznym ob’yektivizmom’ v sovet-skoy istoricheskoy nauke [The Struggle against ‘Bourgeois Objectivism’ in Soviet Historical Science]: S. B. Veselovskiy i yego kniga ‘Feodal’noye zemlevladieniye v Severo-Vostochnoy Rusi’ [S. B. Veselovskiy and His Book ‘Feudal Land Ownership in North-Eastern Russia]’” [in Russian]. *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki [Old Russia. The Questions of Middle Ages]*, no. 2: 104–113.
- . 2020. ““Trudy S. M. Solov’yeva... prinadlezhat k chislu togo naslediya dorevol’yutsionnoy istoricheskoy nauki, kotorym po pravu gordyat-sya sovet-skiye istoriki’ [‘The Papers of S. M. Solovyov... They Belong to the Heritage of Pre-Revolutionary Historical Science, Which Soviet Historians are Rightfully Proud’]: k istorii izdaniya trudov S. M. Solov’yeva v SSSR v 1950–60-ye gg. [The History of Publishing S. M. Solovyov’s Works in the USSR in the 1950s and 60s]” [in Russian]. In *S. M. Solov’yev i yego epokha [S. M. Solovyov and His Epoch] : k 200-letiyu so dnya rozhdeniya istorika (Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem) [To the 200th Anniversary of the Historian’s Birth (Materials of Scientific Conference)]*, ed. by Yu. A. Petrov, 274–280. Moskva [Moscow]: IRI RAN.
- Vakhshayn, V. S. 2009. “‘Neudobnaya’ klassika [‘Inconvenient’ Classics]: tvorcheskoye nasledie Irvinga Gofmana [The Creative Legacy of Irving Hoffman]” [in Russian]. In *Klassika i klassiki v sotsial’nom i gumanitarnom znanii [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]*, ed. by I. M. Savel’yeva and A. V. Poletayev, 64–101. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

- Veselovskiy, C. B. 1969a. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [The Researches on the Class of Service Land Owners] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 1969b. "Rod i predki A. S. Pushkina v istorii [The Family and Ancestors of A. S. Pushkin in History]" [in Russian]. *Novyy mir* [New Word], nos. 1/2: 120–124, 205–241.
- . 1978. *Trudy po istochnikovedeniyu i istorii Rossii v period feodalizma* [The Works on Source Studies and History of Russia during Feudalism] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 1990. *Rod i predki A. S. Pushkina v istorii* [The Family and Ancestors of A. S. Pushkin in History] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Veselovskiy, S. B. 1963. *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Studies on the Oprichnina History] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo AN SSSR.
- Veselovskiy, V. S. 2019. *1946–1977 [1946–1977]* [in Russian]. Vol. 2 of *Problemy nashey zhizni. Vospominaniya* [Problems of Our Life. Memoirs]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novyy khronograf.
- Yermolayev, I. P. 1987. "Retsenziya na knigu [Review]: Kobrin V. B., Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii [Power and Property in Medieval Russia by Cobrin B. B.]" [in Russian]. *Voprosy istorii* [Questions of the History], no. 3: 116–118.
- Yurchak, A. V. 2014. *Eto bylo navegda, poka ne konchilos'* [It Was Forever, Until it Was Over]: *posledneye sovet-skoye pokoleniye* [The Last Soviet Generation] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- "Zasedaniye Byuro Otdeleniya istoricheskikh nauk AN SSSR [Meeting of the Bureau of the Department of Historical Sciences of the Academy of Sciences of the USSR]" [in Russian]. 1953–1959. In *ARAN* [Russian Academy of Sciences Archive]. 457 (1953–1959) / 1 / 24.
- Zimin, A. A. 1964. *Oprichnina Ivana Groznogo* [Oprichnina Ivan the Terrible] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1988. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine xv – pervoy treti xvi v.* [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the xv – First Third of the xvi Century] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.